

Где валяются поцелуи. Париж

Автор:

Ринат Валиуллин

Где валяются поцелуи. Париж

Ринат Рифович Валиуллин

Антология любви

Женщине мало подвигов, ей нужны преступления. Именно с преступления начинается история, в которой несколько судеб, сами того не предполагая, назначают друг другу свидание в одном городе. Можно сказать, сам город назначает им свидание, в котором они будут штопать душевную рану Эйфелевой иголкой.

Ринат Рифович Валиуллин

Где валяются поцелуи. Париж

- Мысленно я с тобой.

- Мысленно я и сама умею.

© Валиуллин Р.Р., 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

* * *

- Подвезете меня? – дверь машины открылась в дождь. Под ним стояла девушка. С ее шелковых прядей сыпалась бижутерией вода.

- А вам куда?

- Мне?.. В Париж.

- Почему не Рим?

- В Риме я уже была.

- А я нет. Садитесь, такой дождь, промокнете насквозь.

- Теплый дождь.

Мокрая женщина заняла сиденье рядом с ним. Ее сырое возбужденное тело словно экватор надвое разделял кожаный ремень сумки. Таксист невольно еще раз скользнул взглядом по ее проступившим из-под мокрой ткани соскам. Девушка машинально поправила распахнутую коротенькую куртку, под которой прилипла к телу белая футболка.

- Можно, я сяду сзади?

- Можно. На два метра дальше от Парижа, – поправил свои очки водитель. – Так куда мы едем?

- В Париж.

- Я понял, что в «Париж». Скажите только, что это: кафе, ресторан? На какой улице? – рука его была готова набить навигатору адрес.

- Есть такой город во Франции, если вы не в курсе. Мне туда очень надо.

- Ну какой может быть Париж в такую погоду? - стало вдруг смешно водителю. - До него 2352 километра, - ответил спокойно, как навигатор, мужчина. Пассажирка увидела, как он ее, мокрую, рассматривает в зеркало заднего вида, будто оба они сейчас оказались в Зазеркалье, замерли, изучая друг друга, включив свои парапсихологические способности. Так и общались, словно зеркало было скайпом. Она пыталась уложить свои волосы, он - любопытство.
- Откуда такая точность? - застряли руки девушки в волосах, пытаюсь придать последним объем.
- От рождения.
- Вы кто? - опустила она руки.
- Мужчина.
- Это я заметила, - снова принялась разбирать на голове мокрые пряди девушка, пытаюсь их отжать. - А по профессии?
- Преподаю высшую математику, если вам это интересно.
- Интересно... Всегда было интересно, чем отличается высшая математика от обычной? - нашлась незнакомка.
- Без лестницы не достать, - смотрел внимательно водитель на пассажирку, будто хотел глазами высушить ее подмоченную репутацию.
- Математик? Делать вам больше нечего, по ночам кататься по городу. Халтурите?
- Плюс бессонница.
- Математикам тоже не платят?
- Платят, но складывать не получается, - улыбнулся в зеркало Павел: «Симпатичная, но все еще мокрая курица».

- Цифры не дают спать?
- Да, голова забита нулями и единицами, что вредно для сна.
- По мне, так цифры – это самые точные слова. Ну, так мы едем?
- Едем. Осталось решить, куда, – сложил руки на руль Павел и оглянулся на незнакомку. Без зеркала он смог разглядеть ее лучше. Лицо было приятное, но чем-то обеспокоенное и все еще сырое. Не будь на улице дождя, можно было бы принять сырость за чувства. «Хорошо бы сейчас идти с ней по берегу моря, бросать камни от души, кто дальше. Рассуждать на высокие темы, что лежат выше моей математики. Философствовать о смысле жизни и ее бессмысленности, то и дело останавливаясь для поцелуев.
- Я вижу, вы торопитесь? Вас там уже ждут?
- Да. Только пока не знаю, кто, поэтому времени нет.
- Времени нет, мы его придумали, – пробурчал про себя мужчина.
- Что вы сказали, я не расслышала?
- У вас тоже цифровое восприятие жизни.
- У всех женщин цифровое восприятие.
- Потому что перед глазами всегда стоит возраст.
- Если бы он стоял, он же прёт как ненормальный.
- А у мужчин разве по-другому?
- Вам сколько сейчас?
- 37.

– Снимите очки.

– Зачем? – повиновался математик.

– Очки вас старят, без них я дала бы вам не больше 30. Вы и через 10 лет можете выглядеть на 37 и через 15. У женщины время летит.

– Значит, будем догонять, так куда мы едем? – снова посмотрел на дорогу водитель. Впереди от остановки тяжело отъезжал автобус, сквозь дождливое стекло, после каждого движения дворников, на его машину смотрела женщина. Она кого-то напоминала. «Показалось, обычная женщина, которой никто не уступил места, у которой не было личной машины, которая так или иначе ехала к морю. Жизнь любой женщины – это дорога к морю. Даже если утром на работу, она все равно идет к своему морю. В конце концов она дойдет, дойдет до точки, когда плюнет на все и действительно рванет к морю», – стало вдруг жалко женщину из автобуса или из своего прошлого водителю.

– В Париж, – ткнула девушка пистолетом в его раздумья. Ствол уперся в плечо.

– И часто это с вами? – вновь поправил очки математик.

– Что?

– Что вместо зонта вы берете пистолет? – ухмыльнулся сквозь зубы водитель. Теперь он разглядывал в зеркало заднего вида то, что было в ее руках. «Если даже настоящий, то наверняка не заряжен». Она повернула дуло к зеркалу, затем снова ткнула водителю в плечо.

По виду пистолет был настоящий. «35-й калибр», – холодно оценил огнестрельное разум. Как ни странно, страха не родилось – только непонятое удивление. «Глупая она женщина», – высказался его рассудок. «Вряд ли: либо влюбленная, либо разочарованная», – отозвалась душа. «Красивая. Жаль, если влюбленная».

– Только сегодня.

– Воскресенье – день с повышенным содержанием понедельника в крови.

Была ли она оптимисткой, она не знала, но она любила понедельники за возможность начать новую жизнь. Это совсем не значило, что она бросится ее сегодня же начинать, грело само существование такой возможности.

– Теперь вы убедились, что я не шучу, – пыталась она поймать испуг на его лице. Но мужчина был холоден, как теория относительности, будто это все происходило не с ним, точнее сказать, не с ними двумя, а только с ней. Она действительно волновалась: вторая рука не переставала ловить невидимые капли дождя на хозяйке, хотя бижутерия давно исчезла с витрины. Ювелирный магазин закрывался.

– Опять больная попалась, – положил ладонь на ручку переключения скоростей водитель, словно это была Библия, которая обязывала говорить «правду, и только правду». «У нее явно не все дома, надо срочно развести осадок души... на диалог, напроситься к ней «в гости», чтобы сделать косметический ремонт, помочь передвинуть мебель, наклеить другие обои не только в душе, но и в голове. Защитить, чтобы обезоружить», – снова глянул он на пушку в ее руках. «Когда женщина на грани, у нее плохо с равновесием. Она может упасть так низко, что потом будет трудно подняться».

– А что, уже были прецеденты?

– Вы думали, что вы первая? Нет, не обольщайтесь. Вчера одна просила подвезти ее к лету. Я ей говорю: «Какое вам «Лето»?», она мне: «Мне все равно, лишь бы скорее». Я повез к ближайшему «Лету». Говорю: «Все, приехали – вот ваш магазин». Она мне такое устроила.

– Какое?

– Пожалее ваши уши.

– Мне интересно, чего она вам наговорила.

– Что я тупой, бесперспективный, нет у меня ни капли воображения, а в голове сплошная жажда наживы, – стал на ходу сочинять математик. – Все было подано под таким ядреным хреном... Раньше мне казалось, что надо совершить какое-нибудь зло, чтобы оказаться в аду.

- Она заплатила за проезд? - стерла стволом невидимую каплю со своего лба девушка.

Стёкла машины начали покрываться испариной, будто ей самой уже надоел этот странный спектакль из двух действующих лиц в душном зале. Туман застилал глаза, оставляя их теперь один на один.

- Щас. Я готов был заплатить ей, лишь бы она вышла, - приоткрыл окно машины таксист. Сквозь эту брешь в салон сразу начали сыпаться куски дождя. - Уберите, это необязательно, - кивнула его голова в зеркале. Я все равно никуда не поеду.

- У вас нет шенгена?

- Есть.

- А что вам тогда мешает?

- Пистолет.

- Это? - повертела она дулом возле его уха. Я могу убрать, - откинула клапан сумки и сунула туда ствол. - А вы выключите радио, раз уж взялись жалеть мои уши.

- Вот еще, - прибавил громкости математик. Он спиной чувствовал, что кризис миновал - даму отпустило, и можно переходить в наступление...

* * *

- Я часто думаю, что могло бы случиться сегодня, начни я день не с кофе, а с шампанского.

- Весна наступила бы, не иначе, - ответил пронзительному женскому голосу мужской.

- Как на картинах Саврасова?

- Ага! Грачи! Прилетели.

- Судя по глаголу «грачи», ты давно один? - засмеялся в радио третий.

— Нет, с тех пор, как узнал, что Ава замужем. А ты?

- Уже нет, вчера такую девушку встретил.

- Какую?

- Порядочную.

- Не то что я, - засмеялась Ава.

- Я серьезно. Как ты думаешь, куда мне билеты взять, чтобы наверняка: в театр или на концерт?

- На море, - рассмеялась Ава. - На море бери ей билеты, Планшет.

* * *

— Едем? - нетерпеливо взялась она за переднее кресло, будто разговаривала с ним, а не с водителем.

- На море? - улыбнулся водитель.

- Ну, что еще? Пистолет я убрала. Другого оружия у меня нет. Или вы про обаяние? - попыталась пошутить девушка.

- Я не хочу.

- А мне кажется, что хотите. Только не можете себе в этом признаться. Боитесь.

– «Париж, Париж, сколько лет ты из-за него не спишь», – ухмыльнулся еле слышно таксист.

– Что вы там опять про себя бормочете?

– Страшная вы женщина. Откуда вы знаете, куда мне надо?

– Вы только что почти улыбнулись.

– Не может быть.

– Снимите маску. Без нее так легко улыбаться, – провела ладонью по своему лицу девушка, словно давала мастер-класс на личном примере.

– Скажите еще, с улыбкой можно больше продать.

– Ну, по крайней мере обаять.

– Вы знаете, что такое мужское обаяние?

«Он еще ничего не сказал, а я уже на все согласилась», – ответила она сама себе.

– Я знаю, – задумалась девушка, не зная, озвучивать свою мысль или нет. Вновь в разговор вмешалось радио:

* * *

– Ты сегодня на чем на работу ехала, на метро?

– Пешком шла.

– Я смотрю, какая-то придорожная грусть. Не изменяй своей улыбке с миной. Взрывоопасно.

- Не доводи меня, Селфи, я сегодня еще и токсична.

- Я понял. Тебя никто не любит... кроме меня, - запрыгал резиновый смех в динамике радио.

- Меня никто не любит? Смотри. Вот какую эсэмэску я получила сегодня.

- Читай вслух.

- Читаю. Ты была ко мне так добра, а я не очень. Вот и сейчас я изменяю тебе с чашкой кофе. Оставил тебя одну в постели. Я знаю, просыпаться одной для женщины - катастрофа. Постараюсь вернуться с работы пораньше.

P.S. Что тебе привезти?

- Кто это?

- Муж.

- Ты замужем? Значит, все это время ты изменяла мне с ним.

- Да, представь себе.

- Как трагично.

- Что трагичного?

- Хотел сделать тебе предложение, а ты уже там. Ну, и как там?

- Хотела выйти из себя, а там муж.

- Жизнь удалась, если вовремя отдалась, — влез в эфир Планшет.

- Охарактеризуй мне его.

- Муж – это человек, который может многое, если захочет, и может всё, если захочет его жена.

- Ну и что ты ему ответила?

- Нежности захвати.

- Какие нежности? Я даже не знаю, что это такое.

- Что такое нежность? Когда он не забывает, что она женщина.

- Как тебе так удается всегда одной фразой – раз, и готов полноценный ответ.

- Бедный. Страдаешь, наверное. Зачем я тебе это сказала?

- Да... теперь мне тоже хочется нежности.

- Эклеров, что ли? – пробасил Планшет и рассмеялся.

- Не путай углеводы с нежностью.

* * *

— Как вам не надоедает слушать эту чепуху, – попыталась поднять голос выше голоса радио девушка. – Вы можете сделать потише? Или выключить совсем радио, – попросила она, отпустив мое кресло. Я тут жизнь пытаюсь наладить, а вы ерунду какую-то слушаете.

- Может, не надо было тут? – развеселился таксист.

- А где же еще, кто еще мне сможет помочь?

- Может, кофе? – повторил математик. Рот его на мгновение принял форму лагорифмической линейки с крупными делениями из белых зубов. Он молча выключил радио. На экране замигало: 21.45. Тот помолчал немного, потом

добавил: – Они веселят иногда, – указал он пальцем на радио, и те трое, будто в знак одобрения, в этот самый момент громко рассмеялись, расплескивая эфир.

– Покажите им еще раз палец. Мне кажется, им этого достаточно.

– Нет, он не настолько смешной, – усмехнулся водитель шутке девушки. – Умничать они тоже умеют, не сомневайтесь, они разбавляют своими глупостями мои серые цифры, – снова на автомате махнул он пальцем в сторону радио. В эфире снова заржали. Следом за ними таксист и его пассажирка.

– А с чего они у вас серые? – еле сдерживала она свой смех. – Ты же еще такой молодой вроде бы, – ткнула мужчину комплиментом.

– Можно и на «ты», раз вы так решили. А вас как зовут?

– Фортуна.

«Это настоящее имя или ник?» – не осмелился спросить Павел.

– Я – Павел. Значит, вы и есть та самая Удача?

– Да, она самая.

– Вы серьезно?

– Сейчас ведете себя как какой-то гаджет: вы действительно хотите закрыть программу, вы точно-преточно решили выйти? Удача сама идет вам в руки. А вы не можете ее до Парижа донести.

– Я готов вас отвезти куда угодно.

– Мне не надо куда угодно, мне надо в Париж.

– Хорошо, Париж так Париж.

– Как-то вы быстро сдались, даже неинтересно стало.

- Идите тогда пешком. Через шесть месяцев и три дня дойдете. К тому же дождь, - запустил двигатель машины Павел, чтобы просушить от испарины окна.

- С одной стороны, с вами удобно, с другой - беспросветно.

- Беспросветно, - снова к Павлу на ум вернулась пассажирка из «Лета».

- Называйте, как хотите.

- Так почему беспросветно?

- Через шесть месяцев мне уже надо выйти замуж за француза. За три дня уставшую с дороги, вряд ли кто меня поведет под венец.

Она вдруг представила себя, идущую по обочине жизни в свадебном платье, навстречу бежит француз, но встретиться им не дано, потому что двигаются они по разным сторонам обочины.

- Свадьба - это здорово! Как бы вы хотели выйти замуж?

- Один раз.

«Это правильно. Главное для девушки - хорошенько выйти из себя, а там уже и до свадьбы рукой подать», - вспомнил начало знакомства Павел.

- А зачем вам француз?

- Для имиджа.

- А имидж зачем?

- Хороший вопрос. А для чего человеку имидж? Это же как походка. Чтобы узнавали.

- А так не узнают?

– Узнают, но не так.

– А вы все время с пистолетом ходите, будут узнавать. Даже афиши появятся.

– Разыскивается?

– Да, разыскивается девушка с имиджем, возможны французы.

– Да, будь я с французом, вы бы вели себя иначе, потому что имидж и французская речь, и радио сразу бы выключили, и вполне логично было бы, что нам надо в Париж.

– Нам? Вы решили, что мне тоже туда надо?

– Это же очевидно, достаточно посмотреть правде в глаза.

– Хорошо, но я не могу так с бухты-барухты, мне нужно составить маршрут. Короче, надо будет заехать домой. Взять паспорт, деньги, жену.

– А вы женаты?

– Да.

– Как интересно. Мне казалось, что вы одиноки. Не в моих правилах рушить чужое счастье. Извините, видимо, я ошиблась машиной. Меньше всего сейчас я хочу разбивать чью-то семью, – не могла остановить поток извинений Фортуна. – Никуда я с вами не поеду, – сдвинулась Фортуна к двери и следующим шагом решительно открыла дверь машины, чтобы выйти.

«Удача из-под носа уходит», – оглянулся всем корпусом на девушку математик.
«Сидеть!» – скомандовал он про себя незнакомке.

– Шучу, я в разводе, давно.

– Разве этим можно шутить? Никогда не думала, что математики тоже умеют шутить, – остановила она порыв своего тела и закрыла дверь.

– А зря, думать полезно. Говорю вам как профессионал.

В зеркало заднего вида я увидел ее: «Что за штампы? Почему все мужчины считают себя профессионалами, а нас – любительницами, любительницами профессионалов», точнее ее губы, которые легко сели на шпагат, стоило только моему лицу показаться на горизонте. На меня никогда ни у кого не было такой растяжки.

– В этом городе всегда идет дождь, – вдруг водителю стало страшно, что удача может так легко уйти из рук, он снова останется один на один со своими единицами и нулями. Павел выжал сцепление, поставил первую, включив поворотник, и, поглядывая в боковое зеркало, начал выруливать на проспект.

– Просто он здесь живет, – уточнила тихо Фортуна.

– Не вам одной нравится здесь, – он переключился на вторую, потом сразу на третью.

– Вам тоже? За что вы так любите этот город?

– Он полон психов и идиотов, здесь весело, – словно в доказательство, он выжал газ до конца, потом поставил четвертую и проехал перекресток, когда «желтый» вот-вот должен был стать «красным».

– Вы псих?

– Что это вы себя сразу к идиотам приписали?

– Гоните как ненормальный и диагноз мне только что поставили – «больна».

– ...не мною, – добавил Павел. – К счастью, люди встречаются больше положительные, за редким исключением, на которое я не обижаюсь, – бросил в зеркало взгляд на Фортуну, – к исключениям надо относиться как к исключениям, – снова зыркнул Павел в зеркало, – выучил и пиши их дальше без ошибок, чтобы они тебя не парили. Мужчины вообще не должны обижаться. Обиды – это женские безделушки. Ко всякого рода негативным явлениям стараюсь относиться абстрактно. Я не могу отвечать за паршивое настроение

других людей.

- Это нам сигналият?

- Да, нервы, как тормоза, иногда сдают.

- Вы решили его наказать? - наблюдала Фортуна, как «Опель» пытался их обойти справа, но педаль газа, выжатая до упора, не давала ему это сделать. Наконец, математик улыбнулся, пропустив «нерв» вперед. Тот вырвался, затем неожиданно дал по тормозам прямо перед их носом.

Павлу пришлось тоже проверить свои тормоза, да так, что бутылка с водой, которая лежала у него под рукой, слетела на пол.

- Идиот, - огрызнулась Фортуна, глядя вслед удаляющемуся джипу.

- Что бы сказал на это Достоевский, - рассмеялся Павел, сняв напряжение.

- Какая прекрасная месть, а вы мстительный, - засмеялась вместе с ним Фортуна.

- Мсть - пища для справедливости.

В салоне повисла пауза, стало слышно дождь. Фортуна вглядывалась в темноту улиц, а Павел смотрел на дорогу, которую время от времени перебежали дворники. Он прибавил звук радио:

* * *

- Знаешь, почему в Питере романтикам дышится легче, чем в Москве? - спросила Ава.

- Почему? - поинтересовался Селфи.

Катя уже начала различать имена ведущих. Она наконец разобралась, кто из них кто. Выстроила линию своих симпатий к тому или иному ведущему,

ориентируясь только на голос. Все трое были задорные, будто все время навеселе. У Авы с придыханием, что намекало на загадку, у Планшета – с хрипотцой, что придавало некую умудренность жизнью, у Селфи – с нотками фальцета, что вселяло легкость в общий эфир. Эфир, который вечно тонул в дыму хохота и гама, словно в облаках курилки.

– Питер верит слезам.

– Ты про дождь?

– Не только. Если Москва – это прекрасная женщина, которую хочется покорить, то Питер – это мужик, интеллигентный мужик с темным прошлым. Они без ума друг от друга, но в силу их гордыни никогда не смогли бы жить вместе, поэтому вынуждены писать длинные письма, летящие стальными строчками «Сапсанов».

– Красиво. Это откуда?

– Из личного архива.

– У тебя был кто-то в Москве?

— Да. Она жила в Питере, он – в Москве. Они летали друг к другу «Сапсанами» по выходным. Она была циником и верила в настоящее, он – романтиком и верил в будущее. Он называл их отношения любовью, она – секс-туризмом.

– Как ее звали?

– Жена.

– А его?

– Муж.

– Хорошее имя.

- Хорошее, производное от «мужчина». Каждая женщина ищет в мужчине только первые три буквы.

- Бывает и наоборот: она находит сначала первые три, а потом ищет остальные.

- Ты уже нашла остальные, Ава? – включился в беседу Селфи. Голос его был значительно тоньше, чем у Планшета, хотя очень подходил для имени.

- Все относительно.

- Относительно чего?

- Отношений.

- И в чем там секрет?

- Закон крепких отношений прост: мужчина должен действовать, женщина вдохновлять.

* * *

Незнакомка успокоилась: она уже умиротворенно листала что-то в своем айфоне.

«Где они такие? Может, этот, с рулем?» зависла в полуулыбке после анекдота из ленты новостей, что сейчас накатывала на нее с экрана телефона:

«- В 19.00 жду тебя у кинотеатра.

- В кино не хочу, хочу к морю.

- Хорошо, тогда в 19.00 – в аэропорту».

«Чем заняться женщине, когда она дома одна в майский праздничный день? Тем более, пельмени на Новый год уже налепила», – лайкнула она следующую

новость и поделилась с друзьями. Хотя какие они были в жизни друзья.

Она вспомнила свою, свою работу. Как грустно было работать сегодня. Люди все на природе, едят шашлыки, или дома – смотрят парад. В магазине никого, пришлось построить сотрудницу старую. Музыка выключила. Я ей объяснила, что сегодня праздник и можно наконец разминать лицо. Книжки читает, а сама злая. Хотела меня своей злостью заразить, пришлось добротой отбиваться – отпустила ее домой пораньше. Самой домой возвращаться не хотелось, потому что весна находилась на улице. На улице царствовал май. Природа замерла в ожидании: пернатые ждали птенцов, женщины – настоящих мужчин, клумбы – живых цветов.

– Вы любите пельмени?

– Проголодались?

– Да, немного.

– Домашние обожаю, – ответил водитель. – Но лепить не с кем.

– Может, полепим?

– По-моему, мы уже, – рассмеялся он, – скоро час как лепим.

– Вы пользуетесь Интернетом? – бросила она серпантин новостей, тот завис на некоторое время, пока не погас.

– Только по работе.

Фортуна выключила телефон.

– А я постоянно на связи. Вы правильно делаете, что не торчите там сутки напролет.

– Что-то интересное?

- Что там может быть интересного? Лента загажена, извините за выражение, позитивными мотивирующими цитатами, но слова сами по себе не мотивируют – нужен голос. Родной человеческий голос.

- Мне кажется, гораздо больше тех, кому нужны уши.

- Да, желающих исповедоваться хватает.

* * *

- Неужели я был первым? – вдруг вмешался в эфир Павел, убавив звук радио.

- Нет. Останавливались многие.

- Что же вы с ними не поехали?

- У них не было шенгена, – изящно пошутила Фортуна. Лицо ее не сэкономило на улыбке.

- А нормально нельзя было в Париж полететь?

- Во-первых, не хотелось одной. Представьте меня с чемоданом на колесиках, полным одиночества. Во-вторых, одной мне не утащить мой чемодан одиночества.

- В-третьих?

- В-третьих находится внутри этого чемодана.

На секунду Павлу показалось, что этот чемодан уже занял багажник его авто. Он представил, как будет его выгружать, когда остановится у дома. «Стоп. Прежде

надо бы припарковаться».

- Главное – найти парковку, – озвучил он кусок размышлений, будто искал помощи в этом вопросе. Даже если бы он был сейчас один, он скорее всего тоже произнес бы эти слова вслух. Человек говорит вслух те вещи, которые от него не зависят, с которыми он не в силах справиться сам. – В нашем дворе так же трудно найти парковку, как своего человека в Интернете.

- А у меня у работы такая же беда.

- Паркуйтесь лучше у отдыха, – пошутил Павел.

Фортуна задумалась и вытащила из памяти что-то свое: леса выкрашены, чтобы хоть как-то сберечь психику от депрессии, холода пробирают до самой постели. По всему горизонту война зимы и весны, она захватывает все окно, в которое я заглядываю в надежде увидеть солнце, но его все еще нет. В воздухе проплывают птицы, медленно, словно рыбы. Опускаю глаза на парковку, машина на месте: «Скоро я к тебе выйду, посидим, подождем, пока ты прогреешься, и поедем навстречу, узнаем, куда запропастилось светило и скольких людей спасло бы оно от депрессии». Она приехала на работу, чудом нашла свободное место, припарковалась. Выходить из теплой машины не хотелось: первое – хотелось дослушать любимую песню, второе – чтобы та не кончалась. Много ли надо утром для счастья? Найти парковку. Много ли надо для счастья вечером? Найти парковку для души. Если я искала по утрам парковку для счастья, то Павел, по-видимому, вечерами – для души. От перемены мест слагаемых сумма не изменяется: мы настолько разные, что с легкой руки случая запросто могли прийти к одному знаменателю.

- Вы забываете, что рядом с вами Фортуна, – очнулась от раздумий она, когда машина въехала во двор.

- Надеюсь, в этот раз без оружия? Кстати, откуда оно у вас?

- Вы снова про обаяние? – иронизировала девушка. – Это от рождения, – рукой она нащупала в сумке пистолет и на минуту представила, что было бы в мире, рождайся человек с пистолетом. Сразу же за ним в голову к ней пришел «человек с ружьем». Она представила связанные с этим смешные неудобства при беременности, а особенно при родах.

«Сама пошутила, сама смеется», – увидел ее улыбку, готовую взорваться смехом, Павел и прибавил звук радио.

«Протестует, что я ему не ответила, либо нервничает из-за парковки», – подумала про себя Фортуна.

* * *

– Почему все так заняты поиском смысла жизни? Целая жизнь уходит на то, чтобы найти смысл. Это же не клад.

– Не клад и не склад. Смысл жизни – это сокровище.

– Не ссорьтесь мальчики, – вступилась мудрая Ава в спор мужчин. – Смысл жизни не сокровище, его не надо искать, он сам вас найдет, если вы не будете обманывать себя.

– А что голос такой трагичный? – хихикнул Селфи. – Скажи лучше, что тебя беспокоит?

– Я все еще обманываю себя.

– Обманывать себя легче всего.

– Потому что с совестью договор подписан, – добавил Планшет.

– Ава, перестань людям парить мозг. Женский смысл жизни сводится к одному: встретить своего парня.

– Встретить своего – это большая удача.

* * *

– Трудно устоять перед настоящим обаянием, я же говорила, – радовалась своей маленькой победе Фортуна.

И действительно, – от дома, в котором жил я, прямо перед носом нашей машины, «Фольксваген», включив белые огни, начал сдавать задом. Опель занял его место. Павел заглушил мотор и тех троих, что плескались на волнах «Радио на троих».

– Приехали. Здесь я живу.

* * *

Весна напала неожиданно, сзади – сбила с ног. Я не сопротивлялась и полетела. Вместе с птицами в небе. Птицы собирали мед – они сошли с ума. Наконец-то тепло! Наконец-то весна! Душа поет, гормоны танцуют. Думала, только меня так накрыло, выглянула в окно – а там уже целый ансамбль песни и пляски таких, как я.

– Может, сегодня на башню заберемся?

– Далась она тебе, эта заноза в одном месте Парижа. Почему тебя туда так тянет?

– Мне надо купить рассады. Эйфелевы башни буду высаживать на свои Елисейские Поля.

Пьер не всегда понимал, что имела в виду Катя, и дело было не в ее безупречном французском, на который она потратила большую часть своего детства, а скорее в ее буйной фантазии, куда Пьеру не всегда удавалось проникнуть. В этом случае он соглашался: «Oui. Oui?» – или отделялся компактной, как зонтик, улыбкой, доставая и открывая ее по необходимости и без.

– Стоит только посетить Париж, как понимаешь, что своей башней Эйфель имел и будет иметь воображение каждого.

– Oui, – снова согласился Пьер.

– Что, «oui»? Эйфель – половой гигант. Он поимел своей железной штукой весь мир.

– Здесь я бы с тобой поспорил.

– Прямо здесь?

– Лучше там. Это минут 30 на машине. Ты сама все увидишь. Сегодня я покажу тебе Париж целиком и полностью, глазами птиц.

Монмартр – словно гигантская лестница одного здания, поросшего травой, асфальтом, булыжником и туристами, на лестничных клетках которого квартировали мастерские, музеи, кабаре, булочные, кафе, рестораны, клубы, магазины, а между ними застыли скульптуры. По лестнице двигались туристы, по артериям они поднимались все выше, на самый верхний этаж, на холм, по венам спускались вниз. Как здорово здесь разобрались с пространством, будто попросили дизайнеров из ИКЕИ, чтобы те встроили все шкафчики, полки, антресоли как можно эргономичнее. Даже деревья вытащили длинные худые шеи из булыжных воротников навстречу солнцу. Каждый ствол на своем месте, стройные, словно фонарные, светящиеся хлорофиллом.

– Я устала, – повисла на перилах бесконечной лестницы вверх Катерина.

– Еще немного, – вернулся назад Пьер, который увлекся подъемом и оторвался от Кати. Он взял ее за руку и притянул к себе. В поцелуе закрыл глаза, она – нет. «Уснул», – пошутила про себя Катя. Сейчас они стояли и целовались на лестнице эскалатора, рядом люди ехали вверх, глядя на нее и улыбаясь. «Любуйтесь, пока я любвеобильна», – помахала Катя рукой этой группе китайских туристов за спиной Пьера.

– Еще немного, и я умру здесь, – забирались они все выше.

– Рано, там сверху есть собор.

– Спасибо, ты сегодня добрый.

– Не добрый – практичный.

– Веришь?

– Верю, но хожу редко.

– Почему?

– Не хочу навязываться. Некоторым нужно приблизиться, чтобы почувствовать, я и так его чувствую.

Скоро мы оказались на верхнем этаже холма, было видно, как режет город Сена на части – историческую и современную, здания-отцы и здания-дети, последние казались скучными, однообразными. Здания-батоны серого хлеба, лишённого изюминок. «В каждом кто-то живет и говорит по-французски со своими насущными проблемами», – думала про себя Катя. Казалось, ей слышна была их французская речь, а голос Пьера, что показывал сейчас, где находится Центр Помпиду и Латинский квартал, остался где-то за кадром, будто Пьеру выключили звук. Рядом томился на солнце храм. Храм был нарядный, белый, словно вырезанный из ватмана и наклеенный на голубое небо.

– Это базилика Сакре-Кёр, одна из самых высоких построек в городе, не уступающая даже самому холму, – снова включился звук у Пьера.

– Сколько метров? – просто так, по-детски спросила Катя.

– 130. Но прелесть ее не в высоте. Здесь тусовка. Здесь очаг творчества. Здесь склады художников и музыкантов, – пытался подражать ее цинизму Пьер.

– Только не включай гида, пожалуйста.

– Устала?

– Я люблю бульвары, только не в горку. Очень трудно наслаждаться видами, когда ползешь в гору, да и вообще наслаждаться.

* * *

- Машина – мой любимый транспорт. Хотя со своей я рассталась.

- Неужели моя была лучше остальных?

- Нет, был еще один... «Фольксваген», один «Мерседес», даже «Порше», – назвала наугад марки машин, которыми грезил в свое время ее муж, Фортуна. Она снова оказалась под дождем: «Куда вас подбросить? – остановилось возле нее такси. – Не важно. Чтобы полетела». После этих слов трапеция двери вновь встроилась в кузов авто, оставив ее, Фортуну, под дождем.

- Ей хотелось все бросить и улететь, – произнесла она вслух.

- Кому? – не понял Павел.

- Руке. Вчера в парке она так и сделала.

- Кто?

- Моя рука. Она так и сделала, но улетел он – шарик.

«Какой шарик? Может, она имеет в виду голову? Может, у нее вчера сорвало крышу?» – думал про себя Павел, настороженно глядя на ночную гостью.

- Прежде чем бросать, надо определиться, кто из вас легче, кто из вас воздушный.

- А шарик откуда?

«Похоже, речь о каком-то мужике. Видимо, разругалась вчера. Зачем я только остановился? Романтики захотелось. Теперь она начнет названивать своему. Потом они помирятся, придется везти ее домой. А может быть, поссорятся в пух и прах, так что тот приедет за ней сам. Начнет ревностно выяснять руками, кто я такой. Потом накинется на нее. Она, защищаясь, начнет палить почем зря из своей пушки...»

- Подарили на входе в парк, – оборвала цепочку его опасений Фортуна.

- Все как в отношениях. Удача осталась на обочине, - посмотрел на свой кофе Павел.

- Нет, на обочине осталась я.

- Вы всегда такая странная? - оставил Павел кофе, пытаюсь сосредоточиться на доказательстве возникшей из ниоткуда теоремы.

- Нет, только под дождем с незнакомыми людьми. Моя странность - это защита.

- Я бы назвал это теоремой, которую надо доказать. Это профессиональное.

- Или Джокондой, которую надо украсть. Это от Маяковского.

- Хорошо, диковинкой - устроит? - подлил еще кофе Фортуне Павел.

- Дикостью - это правильное название. Как корабль назовешь... - стала она толкать по чашке несколько пузырьков, пока те не лопнули.

- Имя решает все.

- Я вот тоже сначала хотела свое поменять. Думала, вот стукнет 16 - обязательно поменяю.

- А чем вам оно не угодило? Не везло?

- Просто странное.

- Диковинное, - радовался чему-то Павел. «Зря кипишился, с головой у нее все в порядке».

* * *

- Может, мороженого? - не дожидаясь ответа, Пьер уже заказал два у продавца, который ловко надувал при помощи круглой железной ложки маленькие шары

холодного счастья и прикреплял их к вафельным рожкам.

- Вкусное, а главное холодное, – облизывала свой малиновый шарик Катя.

- Идем на спуск, дальше площадь Пигаль, – неловко махнул рукой Пьер. Его мороженный шарик улетел в кусты. Пьер недоуменно заглянул вовнутрь пустого рожка.

- А почему Пигаль? – протянула ему свой шарик Катя.

- По фамилии скульптора, – укусил он его нарочито жадно.

- Как скучно, – держала она строго линию цинизма, пытаясь довести его до крайней точки, чтобы, если что, можно было бы с чистой совестью вернуться назад, на Родину, с вердиктом: «Не получилось. Разные менталитеты».

- Вуаля! Площадь Пигаль – центр всего этого безобразия.

- Пигалица, – выкинула, как исчезнувшую иллюзию, бумажку от мороженого Катя.

* * *

- Неужели вы не ходили по бабам?

- По бабам – нет. Бывает, зайдешь к женщине в душу ненадолго, а там уже куча мужиков и все смотрят на тебя подозрительно: «Мы думали, ты будешь умнее».

- А бывает – она к тебе и начинает заниматься фитнесом.

- Ты про тех, что крутят динамо?

- Именно.

- И с вами такое случалось?

– Конечно. Сажу, пью кофе, а тут она... садится за соседний столик. У меня сразу потекли стихи. Я даже готов был писать в стол, лишь бы это был наш с нею домашний стол. Она смотрела на меня. Я улыбался ей и так и эдак, она – красивая стена. Вот это выдержка – лицо ее не шелохнулось ни чертой. Я не понимал, в чем дело. Потом оглянулся и увидел за мной табло с расписанием. Вот так и в жизни бывает – думаешь, что она тебя почти любит, а на деле ей нужно совсем другое табло.

– Забавно. Если вы это только что придумали.

– Я никогда не вру, – рассмеялся Павел.

– Врать и придумывать – это разные вещи.

– Вещи разные, но носить приходится вместе, – посмотрел Павел на незнакомку так, будто увидел в ней знакомую. «Ей просто необходимы были перемены в жизни... между уроками, которые преподносила жизнь». – А кто вам поставил этот диагноз?

– Какой диагноз?

– Париж. Он вам просто необходим.

– Никто не ставил, я сама... надоело заниматься аутотренингом.

– Значит, все еще больно?

– Боль? Она притупилась. Хотя иногда хожу, ною, как маленькая. Будто выронила изо рта соску.

«Ребенок», – подумал про себя Павел.

– Никогда не видел таких искренних людей.

– И не увидите, их можно только услышать.

* * *

Площадь разврата действительно небольшая. Она в окружении – французские здания, что месье, которые ее оберегали всячески, у них вместо шляп мансарды, смотрят на нее как на шлюху, великую проститутку Парижа. Любили ли они ее? Скорее, просто пользовались. Куда бы она от них могла сбежать, с ее прошлым, с ее будущим? «Куда сейчас могу сбежать я?» – в чужой стране, от чужого человека. Да и незачем. Ей здесь нравилось. Вся эта красивая суэта вечером и небрежное волнение оставленного толпой мусора поутру. Его, как последние мечты, развеет легкий утренний ветерок. Одинокая куртизанка поежится от ранней прохлады, не дождавшись последнего клиента. С одной стороны у нее музыкальные магазины, напротив – бары, рестораны и кабаре. А в соседних переулках спрятались стриптиз-бары и всевозможные секс-шопы.

– Сейчас здесь можно найти развлечение на любой вкус, впрочем, как и 200 лет назад. Раньше французские аристократы снимали здесь не только девочек, но и небольшие особняки для них.

– Русские не только снимали, но даже строили, – поддержала отечественного производителя Катя.

День клонится к концу, клонится ко сну, день-клон. Обрезки солнца валяются повсюду, острые настолько, что режут зрение. Тени, как людей, так и зданий, выросли в разы, будто, как и Катя, наполнились впечатлениями, теперь волокли их за собой. Правда, очень скоро они выглядели уже не такими контрастными, а потом и вовсе исчезли.

На небе темнело, снизу – нет, наоборот, пошлый цвет вывесок нагонял ароматы праздника. В атмосфере запахло развлечениями, удовольствиями, развратом, сыром, сифилисом, вином, еще черт знает чем. На ночную улицу выпустили подвыпивших посетителей баров, наркоманов, искателей сомнительных удовольствий, бедняков и проституток.

Ночь пришла и разделась, бросив на витрины магазинов свое откровенное белье. Катя уткнулась носом в стекло – она внимательно разглядывала предметы женского белья. И мысли ее побежали нагишом.

- Если днем от этого места несет эротикой, то ночью – сексом, – дышал за ее спиной Пьер.

- Я бы сказала, даже порно, – она напоила свое любопытство и пошла дальше, Пьер шел следом.

- Проститутка? – кивнула на намалеванную девицу у столба Катя. Та словно объявление на яркой бумаге об интим-услугах, сошедшее со столба на землю.

- Откуда здесь столько проституток?

- Это бизнес, вполне себе легальный. Души торгуют телом. Есть и душеприказчики – это сутенеры, но они, как опытные пастухи, прячутся где-то в тени.

- Чудно. Я люблю Париж. Ты пользовался когда-нибудь услугами?

- Нет, – соврал Пьер, и Катя сразу это заметила.

- Только не ври мне больше.

- Я никогда не вру.

- Они все время ходят туда-сюда?

- Им запрещено приставать к прохожим, и они просто прогуливаются вдоль витрин. А некоторые поджидают клиентов во дворах.

- Рыбалка?

- Я бы сказал, охота.

- Combien tu m'aimes? – вдруг остановила девицу Катя. Та показала пятерню.

- Так дорого?

- Может, она решила, что мы вдвоем.

Шлюха начала уже оказывать знаки внимания Кате.

- Но, - ответил резко Пьер.

- Ок, - загнула один палец на смуглой руке куртизанка.

«Не француженка», - решила про себя Катя. Мелькнула мысль ляпнуть что-нибудь на родном, но она сдержалась.

- Зачем тебе это, Катя? - прошептал ей на ушко Пьер.

* * *

- Если только поговорить по душам. Всегда хотелось узнать, что у них там.

- Ты думаешь, у нее есть душа?

- Конечно. Хотя нет. За 400 она нам душу не откроет.

- No, merci, - повторил Пьер, продолжая смотреть на длинные ноги платных удовольствий.

Та пожала плечами.

- Не дури, Катерина, - взял под руку Катю Пьер и стал уводить от греха подалее.

Катя вырвала руку и побежала вперед, скандируя на ходу, пытаясь попасть каждым шагом своего бега в такт:

- Без преувеличения

Могу

вам

сказать, —

поправила

она

свою

выдающуюся грудь.

Потом

посмотрела на меня

большим

небом глаз. —

Вы можете

думать

все

что угодно.

Можете

даже

перед сном

об этом подумать.

Я – женщина,

которая

ищет мужчину,

который

давно уже

ищет ее,

я не бл...

– Подожди, – кричал ей Пьер. – Я не слышу, что ты говоришь.

– Не важно, это стихи.

– Про нее?

– Про ее душу.

– Как ты думаешь, сколько ей лет? – бросил Пьер, наконец настигнув Катю.

– 30.

– 40, не меньше. Здесь многим, как правило, далеко за 40.

– Я давно подозревала, что женщина начинает что-то понимать в любви только после сорока. – не стала спорить с Пьером Катя.

«Возраст женщины выдают глаза. Эти насмотрелись на 30, не больше».

Этот короткий разговор Катю развеселил. Она вдруг почувствовала себя одной из них, у французского столба, который привязал ее к себе еще в Питере, когда Он впервые приехал к ней туда в гости. И вот столб уже уводит ее, уводит подальше от самой себя. Они пробежали еще несколько метров, потом остановились и снова пустились врасос. Глаза закрыты. Губы ее врастают во французские губы Пьера. Они говорят на одном языке. Где-то рядом чей-то голос тащит свою песню. Когда Катя открыла глаза, она увидела счастливого Пьера, а за его спиной музыканта, который тихо перебирал что-то на французском и, будто зная, о чем она сейчас подумала, схватил гитару, висящую на его шее, и стрельнул, пронзительно передернув струну, стрельнул в Пьера, словно это была не гитара, а автомат. Струна лопнула, музыкант улыбнулся, сделал красивую паузу и тут же продолжил песню.

Отели, бордели, притоны приглушенным розовым светом склоняли к интиму самых одиноких. Свет шептал прохожим своим мягким током, что девочки здесь что надо, стоит только его погасить.

* * *

Заходили в книжный и писатели, чаще местные, находили полку со своими книгами, любовались, потом здоровались и спрашивали с нарочитой небрежностью: «Как продается книга?» – их детище, их Библия. Смешные и очень обидчивые, как дети.

– Никак, – с некоторых пор стала отвечать я честно, – даже не спрашивают.

– А что сейчас спрашивают?

– Как всегда, романы.

– Какие?

– Хорошо идут романы-шуршалки, – вспомнила я книжку-шуршалку, которую подарила дочери подруги на годик.

Особо тщеславные обижались и долго не приходили. Сразу было видно, чего не хватает в их книгах, кроме чувства юмора. Если в книге нет даже чувства юмора, то как она может задеть чувства других. Книга – полкило букв, если ты хочешь, чтобы ее покупали как картошку, для этого она должна стать вторым хлебом.

По сути своей слова – это прямая, это правда, нарезанная на буквы, на кусочки, изящно загнутые под нашу действительность. Это полуфабрикаты. Не все приемлют сырую правду жизни. Задача писателя – приготовить вкусное блюдо, для кого-то хорошо прожаренное, кому-то с кровью, для вегетарианца – из фруктов его мечты и овощей бытия. Писатель – это прежде всего голос с запоминающимся тембром, который должен будет впоследствии то царапать, то вновь успокаивать вашу душу; во вторую очередь, писатель – это слух, идеальный слух, он должен слышать не только других, но прежде всего себя. Его слова должны передавать ощущения в пятимерном пространстве чувств. Как я уже говорила, шестым чувством, словно тенью, за ним должно следовать чувство юмора. Оно необходимо, чтобы давать читателю время отдохнуть, перезагрузиться, посмеяться, освободить легкие души от лишних эмоций.

* * *

Вдалеке мололо хлеб из зрелищ Moulin Rouge. Мельница накалилась докрасна. Зрители толпились у входа в ожидании горячей выпечки.

Толпа гудела разноцветными языками, кого здесь только не было. Катя знала, кого здесь не было, и Пьер, скорее всего, тоже знал, но молчал.

– Почему ты молчишь?

– За слова придется отвечать, – вспыхнула на нем французская улыбка, было в ней что-то от Бельмондо, Депардьё и Ришара, вместе взятых. Глупая улыбка счастливого человека.

– Да, – вздохнула Катя, и сказала на русском, – за базаром надо следить.

– А что такое базар?

– Это рынок.

- Рынок любви открыт, - раскрыл объятия Пьер, пытаюсь обобщить все выше
увиденное.

- Базар, - поправила его Катя.

- Базар, - повторил Пьер.

Пьер, конечно, не знал второго значения этого слова, а Кате не хотелось сейчас
объяснять. В ее зрачках светились огоньки афиш. Мимо пробежали рекламой
кабаре танцовщицы из мюзик-холла.

Ночь - сутенер, она следит за тем, как вытряхивают кошельки туристы. Звезд
все больше, они ведут счет прибыли. Шлюхи, как звезды - их лучше видно в
темноте.

Рядом прошла пара. Мужчина, он был разбавлен двумя бутылками вина, не
меньше, а может быть, и тремя. Обняв барышню за талию, что-то объяснял ей на
немецком; скоро он испарился в темноте притона вместе с женщиной.

Цыганка в темноте читала чью-то руку, пытаюсь разобрать почерк незнакомой
судьбы по линиям жизни, по которым сейчас шли навстречу мы с Пьером;
веселая компания испанских туристов, нищий, уличные продавцы, содержатели
притонов, торговцы кокаином, торговли телом и другие проходимцы.

* * *

Навестив дочь, я решила прогуляться по парку, что находился недалеко. Вышла
на улицу, чтобы как-то выветрить охватившую меня ревность. Сто лет не курила
- закурила. Посмотрела на сигарету - бросила. Если бы бросить ревновать было
бы так же просто, как бросить курить.

Парк встретил тепло: она клевала чипсы, которые пришлось взять вместе с сигаретами, потому что у продавца не было сдачи, птицы – свежую траву в поисках еды, рядом мать клевала свою маленькую дочь за то, что та нашла где-то грязь, у пруда сидел мужик, не клевало только у мужика, который сидел с удочкой. Не все окружавшие его были счастливы, но, тем не менее, процесс какой-то шел, и только у него одного нет клева, жизнь остановилась, как вода в пруду; ты совершенно мудрый, как в воду глядел, так и глядишь. Сидишь, ждешь, время съедает тебя. «Может, нырнуть?» – стимула нет, есть только палка, за которую держишься, как за соломинку.

Парк утопал в цветущих деревьях, пруд в его лепестках. Люди снимались на фоне цветущих деревьев. Им явно не хватало цветов в жизни. Я прошла рядом с фонтаном, дно которого было усеяно мелочью: люди до сих пор были уверены в том, что для счастья много не надо. Мне не хотелось смотреть на себя со стороны, но периферическое зрение все показывало, что у нее на этот счет свое мнение: «Для счастья надо много, потому что счастье – это когда нигде не болит и во всем прет». А у нее болело.

Когда-то жизнь ее была простой, как три копейки. Пусть трехгрошовая, но моя и счастливая, вдруг стала сложной, словно купюра неизвестной страны, на счастье такую не принимали, и ни у кого не было сдачи, и с которой ей приходилось бегать по разным заведениям, пытаясь разменять свою проблему. Суть и сложность злосчастной заключались в том, что она от нее никак не зависела, и тем более не зависели способы ее решения по одной простой причине: проблема эта была с близким ей человеком. Своим сознанием ее было не объять, поэтому вся нагрузка ложилась на чувства, именно они принимали главный удар. Сейчас она переполнена ими, они затмевали ее взор: соленые, горькие – хоть выжимай, начинаешь их вытирать, мокнут крылья и уже не взлететь.

– Я ее напоил и трахнул, – разорвал неожиданно пополам ее мысленную цепочку разговор двух обгоняющих ее парней в трениках.

После этих слов я снова вернулась в себя, мне стало обидно за все бабское племя. За его глупость и беспомощность в вопросах чувств.

Где-то впереди дети пускали мыльные пузыри. Перед глазами были разноцветные шары, в каждом из которых отражался человек, но стоило только ей прикоснуться к шару взглядом, пытаясь разглядеть лицо, тот лопался как мыльный пузырь.

Я стояла одна в пустоте комнаты, словно в барокамере, мысли свободно летали вокруг бабочками и стрекозами, меня забавляла та легкость, с которой они могли перевоплощаться из хороших в коварные, из дерзких в слабохарактерные, из доблестных в подлые. Из пуританских и верных – в сексуальные и развязные. Невесомость, вот чем они завораживали, чего не хватало следующей стадии их развития – поступкам. Те уже чувствовали влияние других объектов и зависели от притяжения земли. Мысли мешались с мечтами.

Стаи мыльных пузырей искрилась радужными переливами форм, потом, столкнувшись с мыслью, лопалась смешно и непринужденно, безболезненно. Ни времени для них не существовало, ни пространства. Вот одна из них по-быстрому слетала в прошлый год, другую я хотела послать в будущее, но оно выглядело туманно, не было никакой возможности летать. Будущее закрыто на переучет. Мне захотелось выйти из этой пустоты хотя бы в коридор, я оставила детей с пузырями и двинулась дальше по дорожке парка.

Добро и зло все время мешалось в голове, чего же на самом деле больше? «Не будь зла, кому бы впаривали свое добро?» Вспомнилось расхожее сравнение, что Гитлер стал Гитлером только потому, что однажды его не приняли в художественное училище, но, с другой стороны, Сталину не помешало стать Сталиным то, что он закончил духовную семинарию.

Иногда вслед за этим всплывала какая-нибудь история жизни типажей из моего книжного. Они их все несли и несли, будто я была не обычным продавцом, а писателем, что непременно посвятит этому роман:

«...мы не стеснялись друг друга – лежали голыми и просто смотрели друг на друга, не отрываясь. Ничего, кроме объятий и поцелуев, не было. А жаль – возможно, все было бы иначе. Позже я поставила ему в вину его порядочность и сдержанность. Он ответил, что так любил меня и боялся, что я его возненавижу. В этом и был весь мой Булат – сильный, любящий и очень порядочный. А будущий муж стал ухаживать за мной – приезжал из Баку на выходной для свиданий. Боже! Что творилось с моим Булатом! Взрывался и пропадал на несколько дней от ревности. Так мы подошли к окончанию школы. На выпускной бал я не пошла и уехала поступать в Москву в МГУ на исторический факультет. Не поступив на дневное отделение, вернулась. С Булатом творилось неладное – взрывы и всплески любви и бешеной ревности. Я металась меж двух огней: Булат любил – я принимала его любовь. С мужем – я любила, а он лишь позволял

себя любить. Но без любви Булата я не могла существовать – продолжали встречаться вплоть до...»

Я понимала, что этими чужими историями я только пыталась задвинуть свое, что не позволяло дышать полной грудью, что калечило изнутри. Будто мина замедленного действия медленно-мучительно разрывалась в моей душе. Вслед за этим всплыли другие типажи, они приносили осколки своих судеб, которые извлекли из себя, они показывали их мне, предлагая ощутить на вес. Тяжесть. Их лица стирались, пропадали, потом появлялись новые, истории повторялись или были очень похожи. Одиночество. Вот что их объединяло. Что я могла дать этим людям взамен? Только книги, как антидепрессант, как болеутоляющее, как антисептик. Можно было открыть им свою душу, как историю болезни. Вряд ли бы они поверили. «Вы всегда такая улыбчивая, такая красивая, такая добрая». «Просто вы не знаете меня злой». Стоило только подумать о добре и зле, как сразу же нашлось вещественное доказательство моим гипотезам.

Подростки бежали по дорожке трусцой и один из них случайно задел малыша, шедшего со своим отцом. Малыш упал, легкоатлет сразу же остановился и принялся поднимать его, но тут же получил от отца два удара: один под дых, другой в челюсть. Ошарашенный подросток вдруг перестал расти и рухнул рядом, через мгновение, боясь повторения атаки, он все же встал с земли, собрав с нее свои угловатые кости, и медленно побрел прочь от малыша, который уже поливал землю слезами. «Вот урод», – огрызнулся отец, высококалорийный тип, 90% жирности, обращаясь к своим двум товарищам. Те закивали: «Бегать, что ли, негде». Потом они потеряли к юному бедолаге интерес и принялась всячески успокаивать мальчика. Тот был неумолим; желая сорвать куш и получить по максимуму внимания взрослых, начал орать навзрыд. Неожиданно перед ними вырос пожилой мужчина, он протянул малышу леденец. Мальчик взял его, продолжая ныть, но выключив сирену. Мужики наперебой стали благодарить деда: «Спасибо», Спасибо большое», «Смотри, какой добрый дядя». Я равнодушно наблюдала за эпизодом. Зло растворилось в добре, чтобы там кормиться. Добро, сделав свое дело, отползало.

Я пошла дальше, села на одну из скамеек, что ждали своих пассажиров, стоя вдоль аллеи. Не глядя, положила на нее свою стройную линию. Раньше она бы тщательно осмотрела поверхность, прежде чем садиться. С некоторых пор у нее прошло это чувство неуверенности и брезгливости, проще говоря, с некоторых пор ей стало по барабану. Она закинула голову – сверху только небо в джинсовую тряпочку: «Давно я не надевала джинсы на свои еще стройные

ножки. Я же еще молода?» Женщина стала вспоминать, сколько ей сейчас, пытаюсь вытащить себя со склада, куда ее списали неожиданно обстоятельства. Она нашла там еще и кожаную куртку. «Сейчас бы на байк, сесть бы к кому-нибудь и прижаться своей кожей к его коже, и слушать в шлеме одну на двоих музыку под огни отстающих машин, да и лететь так до самого Парижа. Где бы только раздобыть такую спину?»

* * *

- Может, выпьем кофе? - предложила я Пьеру.

- Да, конечно, - мы устроились в кафе на веранде какого-то отеля. В кафе былолюдно. Гарсоны бегали своими тропами меж деревянных пней. Столы накрыты белыми, цвета базилики Сакре-Кёр, скатертями.

- Надеюсь, мы не встретим здесь сегодня ни Мане, ни Ренуара, - пошутил Пьер.

- Почему бы и нет?

- Я сегодня неважно выгляжу.

- Для настоящего художника это не важно. Не создавай себе кумиров, создай себя.

- А что для него важно? Наверняка ты знаешь, ты же искусствовед.

- Линия, она не должна прерываться. Он ведет ее от первого мазка до последнего. В зависимости от того, как проходит эта линия, мы видим на полотнах, что есть, что было, либо то, что будет. Настолько чувственную, способную совратить твое воображение.

- Красивые слова.

- А что такое, по сути, слова? Это нарезанная на кусочки и вывернутая, выгнутая по необходимости прямая. Каждое слово было когда-то прямой, но переведенная в слова, исказилась словно правда, до неузнаваемости. Так что

теперь у каждого она своя, удобная и практичная. Одни едят, другие читают. Язык писателя должен быть приятным на слух и вкусным на содержание, – показала Пьеру язык Катя. – Вот на той картине самого Парижа нет, но есть детали: его вино, его сыр, его разговоры. Чувствуешь?

– Ты серьезно? – посмотрел на картинку на стене напротив, где ушастая мышь забралась на обеденный стол.

– Вижу зарождение чувства юмора, – рассмеялась Катя. – На самом деле, я слишком бесчувственна, я даже знаю, откуда это, я слишком пресыщена красотой Питера.

– Тебе нужно время для акклиматизации.

– Для монмартризации, эйфелизации, пигализации, булонизации.

* * *

В то утро я ненавидела его, как ненавидят водку с похмелья. Материться я не умела, она выражалась лицом.

Рядом с ней была гора, хотелось забраться на нее и крикнуть от души. Тут гора протянула свои могучие руки и сгребла девушку в теплый дом. «Мечты материализуются», – подумала она после того, как накричалась всласть.

– Почему шампанское ударяет сразу в голову?

– Чтобы сберечь тело. Куда сегодня пойдешь? – потянулся в постели Пьер.

– Давай здесь еще полежим немного, во сне, – сладко въедалась всем телом в прохладную бамбуковую ткань Катя. Будто хотела заблудиться в этой бамбуковой роще навсегда.

– Хорошо, – зашел в рощу вслед за ней Пьер.

Черты характера, как параллели чертам ее лица, они отражались друг в друге: то прекрасная, как вчера, то капризная, как никогда, то все параллельно, как сейчас. Погода тоже любила капать на мозг. В окне моросил дождь. Восемь утра. Оставив свою руку с часами в покое, я снова посмотрел на Катю. Она спала. Что-то ей снилось, наверное. Лицо от Найка, красивые брови застыли в недоумении, им было не до ума. Само совершенство, оно боялось чего-нибудь недоуметь. Губы с грустинкой на 8.20 открылись, но ничего не сказали. Я так и уснул, любуясь на портрет неизвестного мне русского живописца.

Через два часа я уже поднимал жалюзи на кухне. За ними светило. Большое, теплое, многообещающее. Прекрасно, когда воскресенье начинается с апельсинов: один в окне, другой в руке. Я чистил тот, что в руке, и наблюдал, как солнце дергает за нитки. Весна в театре кукол. Только два часа назад зима текла по венам. Люди шли среди людей. Их не грел пейзаж плешивый. Но внезапно распахнула занавес весна, дернула бедняг за солнечные нити, и они ожили.

- Иди сюда, - кричала Катя из спальни.

- Что еще?

- Иди, увидишь.

- Ну?

- Глянь, какая я хорошенькая.

- Сейчас, - сунул я одну дольку апельсина себе в рот, снова посмотрел на часы. - Ты можешь мне позвонить?

- Телефон потерял?

- Нет, штаны. Телефон в штанах должен быть.

- Зачем тебе штаны, иди сюда.

– Что-то мне подсказывает, что сегодня понедельник и надо сходить на работу, – нашел он наконец то, что искал, в спальне, куда его звала Катя.

– Понедельник был создан для тех, кто хотел бы все начать с нуля, – лежала Катя в постели. Видны были только лицо и одна нога, кинутая поверх одеяла на произвол судьбы.

– Ты же понимаешь, что это невозможно.

– Да, да, мы все боимся опоздать на работу. Пятница может задерживаться, суббота – спешить, воскресенье – проспять. И только понедельник пунктуален. Он приходит без опозданий, в одно и то же время. Иди.

Пьеру не хотелось уходить, хотелось остаться вместо этого одеяла. Но он быстро взял себя в руки, запихнул в куртку, засунул в ботинки и вышел.

* * *

Весна. Воскресенье. +15 на улице, +36 и 6 в душе. Для тела это нормально, для души – жара, нужно срочно найти того, кто спрячет в тени объятий.

«Никогда не делай в пятницу то, что можно сделать в понедельник» – вспомнила она цитату из ежедневника своей дочери. «Да, проснуться бы сразу в понедельник». На работе время ее бежало легче, чем в выходные. Она работала три через два с 10 до 20 в Книжном доме, который в это время становился ей домом более родным, чем квартира. Здесь время можно было занять работой: бесконечно перебирать книги, заказывать, советовать и отдавать их за деньги в добрые руки. Здесь она чувствовала себя королевой книжного, ее все так и звали – «Княжна». В выходные же, кроме дома и его вещей, которые постоянно хотят тебе что-то напомнить или рассказать – одни только мысли. От них некуда было сбежать. Разве что надеть майку, трусы – и в парк, мотать круги. Она пробовала, только бежать быстрее мыслей не получалось. Они, недобрые, бежали рядом и издевались.

Женщина уже давно проснулась. Настроения откровенничать не было, поэтому она старалась не смотреть зеркалу в лицо, когда умывалась. Она устала видеть там глаза, полные слез, хоть выжимай. Нужна была какая-то центрифуга

действий, чтобы вывести ее из этого запоя тоски. Утро – это не смешно; что ни облик – то продолжение подушки, улыбнуться как следует не получается, лицо смято сном словно скатерть, которую необходимо поправить, прежде чем подавать кофе и горячие бутерброды.

Девушка убедила себя, что сегодня начнет новую жизнь, потому что в понедельник, как ни крути, все вернется на круги своя. Она вытерла лицо полотенцем. Она вернулась на круги своя, но уже не своя.

Позавтракав, она скинула халат, надела белую майку и поверх кожаную куртку, вытащила из шкафа пластмассовый пистолет и положила в свою сумочку.

* * *

– Я бы хотела в Мулен Руж и театр ужасов «Гран Гиньоль», – глотнула горячий кофе Фортуна. Кофе был слишком горяч, а глоток – огромен. Во рту стало нестерпимо горячо, захотелось выплюнуть, но она сдержалась. Только глаза ее округлились.

– Обязательно сходим! – понял, насколько это важно было для Фортуны, Павел.

– Почему именно в Мулен Руж?

– Там бывал Генри Миллер.

– А кто это?

– Американский писатель.

– Может быть. Я знаю точно, что там черпал вдохновение Ван Гог.

– А кто это? – прикинулась душой Фортуна.

– Французский художник.

Оба были умны, оба тактичны, оба соврали.

– Не волнуйтесь, я его знаю.

– Я волнуюсь?

– Нет, у вас по лицу пробежало: «Какая она темная».

– Тебе показалось. Сейчас уберу, – провел по лицу ладонью Павел и улыбнулся. – Чувствуй себя как дома.

– Хорошо, – ответила Фортуна, хотя хотела сказать примерно так: «Это вряд ли. Дома я одна».

Большая студия, в которой они остановились на кофе, чиста и уютна. Студия хороша для гостей тем, что весь внутренний мир хозяина нараспашку: в одном углу кухня и деревянный квадратный стол без скатерти, высокие стулья – на одном из них сейчас сидела Фортуна. У квартиры не было никаких посторонних запахов. То есть в квартире не пахло другими женщинами. Она смотрела, как Павел варил кофе, краем глаза оценивая быт. В другом углу большая кровать, заправлена. Шкаф с книгами, рядом стол с компьютером и маленький кожаный диван. На нем спал кот. Вдоль всего бытового пейзажа огромное панорамное окно с видом на городские ландшафты. Мне здесь все нравилось: от прозрачного аромата этого дома, пока не явился кофе, до расцветки обоев и утвари. Сейчас я смотрела на приятное сочетание миндаля и зеленых тыквенных семечек в пиалушке на столе, рядом такая же с сухофруктами. Кухня была со встроенным в нее завтраком. Фортуне хотелось спросить: «Откуда она у тебя, такая уютная?» – «Такую купил». «А с ужином не было?», – почувствовала она, что зверски голодна. «Как давно у меня не было этого чувства, вообще чувства», – вдруг осенило ее, совсем недавно бродившую по жизни в полном равнодушии. Чувство. Она не знала, когда это началось, но точно знала, что для нее это уже никогда не закончится.

Самым непривычным для Фортуны было то, что она сидела, на кухне, а кто-то готовил ей кофе.

– По-моему, что-то горит.

– По-моему, это я.

- По-моему, это ты.

- Ага... Волосы на руке опалил, когда кофе снимал, - начал Павел разливать по чашкам.

- Не раздражает?

- Знаешь, какой запах раздражает больше всего женщину? Запах другой женщины.

- Хочешь что-нибудь послушать? - Заменял неловкую на музыкальную паузу Павел.

- Да. Море.

* * *

Поначалу меня пугали шприцы, уколы, жуткие вены и кровь. И это вечное чучело, рядом с кроватью, с желтоватой жидкостью в голове, которое по капле сцеживало свой мозг моей дочери. Система, с которой мне все время хотелось поздороваться. Скоро все это отошло на второй план: смотреть на кровь и иглы совсем не страшно по сравнению с тем, что такое смотреть на дочь, которая умирает. Я выдохнула сочувствие и зашла в палату.

- Мама, руки вверх!

Женщина увидела в руках девочки, лежащей на койке, пистолет. Голова ее была аккуратно покрыта синим платочком. Глаза большие, синие, словно два океана, которые занимали большую часть суши.

- Страшно?

- Еще как.

«Мне всегда страшно приходить сюда».

– Да не бойся ты. Он пластмассовый, мне мальчик подарил из соседней палаты – выписался сегодня. – На, говорит, вдруг пригодится – отстреливать врагов.

– У тебя нет врагов.

– Нет. Но с оружием, он говорит, тебе будет спокойнее. Смотри. Он как настоящий, – протянула она матери игрушку. Та подошла, поцеловала дочь и только потом взяла в руки пистолет.

– Какой у тебя красивый платок, – не спускала взгляда с головы матери. – Почему ты раньше никогда не носила платков? Тебе идет.

Мать взяла, прежде она никогда не держала в руках оружие. Она стала метиться в дверь, на которой висел календарь, и выстрелила. Дверь неожиданно открылась. В нее вошел доктор. Колпак, борода, белый халат и огромный орлиный нос, который торчал из этого профиля. Нос был выдающийся, с таким можно было сделать карьеру в любой профессии.

– Добрый день, – увидел он мать с пистолетом в руке. «Эти киношники совсем с ума сошли», – промелькнуло у него в голове.

– Хотите добавить в фильм спецэффектов? – улыбнулся он палате.

– Да, хотим, – засмеялась Лиля.

«Вы считаете, в нашем фильме их недостаточно?» – захотелось крикнуть ей ему в лицо. «Ключья волос, которые дочь снимает с головы после химиотерапии, выпавшие брови и ресницы. Распухшие от игл вены? Что, мало, да? Шутник».

Он поправил колпак, будто хотел откланяться, увидев в моих глазах столько вопросов: «Каковы наши шансы? Скажите, что она пошла на поправку». – «Не беспокойтесь, все на прежнем уровне, и это уже очень хорошо – это значит что болезнь не прогрессирует. 30% из 100, что она поправится. Будем бороться. Сделаем все возможное». По его взгляду я понимала, что нужно было сделать нечто невозможное, нужно было чудо, самое обыкновенное чудо. «Невозможное, сделайте невозможное тоже!» – закричала я ему вслед.

– Ладно, – ответил он без энтузиазма, – я попозже еще зайду, – снова исчез он за дверью и пошел по коридору дальше, в компании удаляющихся шагов.

– Мне кажется, я его напугала, – мать вернула игрушку дочери.

«Все эти доктора, медсестры, сиделки – это только часть нашей съемочной группы, и относиться к ним надо как к гримерам, костюмерам, декораторам, светотехникам», – вспомнила она слова режиссера. Ей стало спокойнее.

Вспышка гнева – это только реакция на действительность, желание найти крайнего. Крайнего не было. Вот и приходилось в этом подозревать других.

– У меня тоже есть для тебя сюрприз, – скинула она одним движением с головы платок. Под ним голая правда.

– Что ты наделала? Я так любила твои волосы, – уткнулась в подушку девчонка. Мать присела к ней на кровать, обняла сзади за плечи и прижалась всем телом к дочери. «Мне хотелось хоть как-то взять часть твоей боли на себя».

Я понимала, что дело не во мне, не в моей прическе. Просто Стива не было уже несколько дней, он уехал на какой-то фестиваль.

Потом Лиля снова взглянула на мать.

– Ты все равно красивая. Можно потрогать? – положила она свою тонкую ладонь на мою голову и ласково провела. – Скорее бы он приехал, мы можем не успеть снять фильм до конца.

Мы старались не затрагивать тему смерти, но так или иначе она всплывала. Тридцать процентов надежды против семидесяти безнадёги все время стояли перед моими глазами. Тогда дочь, чтобы разрядить обстановку, всякий раз шутила: меня беспокоит только одно, есть ли там Интернет?

Как бы она ни хорохорилась, видно было, что Лиля переживала отсутствие Стива. Она начинала считать часы до его приезда. Часто время измеряется отсутствием одного человека.

– Завтра он уже будет здесь. Что ты так кипятишься? – прижимала мать голову дочери к своей груди.

– Дело не только в нем, не только в фильме...

Мать ожидала услышать: «Не только в тебе», но не услышала.

– Я даже не знаю, как это объяснить.

– Тебя еще что-то волнует?

– Да. Море. Очень хочется еще раз увидеть море.

– Увидишь. Я тебе обещаю. Только и ты мне пообещай, что вовремя ляжешь спать.

– Если я выплыву, я стану другой. Обещаю.

* * *

– Бульвар Клиши?, – посмотрел Пьер в сторону пестрившей рекламой улицы, когда они вышли из кафе. – Он издавна считается кварталом порока.

– По помаде заметно.

– Почему по помаде?

– Яркая очень, – кивнула Катя на рекламу, о которую разбивались глаза и разбегались в непонятном веселье и направлении, то и дело возвращаясь к большому экрану, что танцевал кан-кан. Там девочки, взбивая юбки в красные сливки, кричали и задирали ноги, пытаются достать ими до самых сокровенных уголков разврата. Будто хотели поменять ногами лампочку мировоззрения каждого бежавшего сюда от бытовой литургии гражданина.

– Первые порнокинотеатры, пип-шоу и шоу трансвеститов, эротические кафе появились уже в эпоху «Хиппи». Здесь собирается разный сброд, так что в

одиночку по вечерам сюда лучше не ходить.

- Мне? - удивилась инструкции Катя. - Если только на работу, - снова вернулась она в себя, а ее дух - в свое расположение, веселое и свободное.

- Я серьезно - помимо жриц любви, можно встретить и настоящих мерзавцев. - В этот момент к Пьеру подошел англичанин.

- Осторожно, Пьер, наверное, это один из них, - тоже стала серьезной Катя.

Мерзавец был, как ни странно, мил:

- Could you tell us how to find The black cat?

- Шат нуар? - переспросил его Пьер.

- Yes.

- Бесплезно искать черную кошку в ночи. Ее там нет, - улыбнулась Катя Пьеру.

- Само собой, настоящей там нет. Наверное, ты знаешь, что такое la chat во французском языке? - Павел указал англичанину рукой, как пройти к бару.

- Само собой, - взмахнула подолом платья Катя.

Англичанин улыбнулся в ответ и пошел искать свою кошку. «Свою лашатку», - сыграли слова в голове Кати.

- На этой площади сама невольно становлюсь пошлой, - дала пощечину другой своей руке Катя.

- Не, не пошлой - развратной.

- Ты меня сделал такой, - вспомнила Катя, как тщательно вылизывал Пьер ее кожу по ночам. «Нет, русские так не умеют, а может, им это не нужно, потому что они способны на что-то другое, более мужественное. Например, когда

пришел Гитлер, французы сдали страну за 28 дней, а русские предпочли четыре года убиваться за нее. В этом была наша сила, этого нам до сих пор не может простить весь мир. Вряд ли бы наши способны были на такое – с подобным умением лобызать. Но женщина слаба, иногда ей не нужно мужество, а нужен именно язык, в нужном ухе, в нужное время, который поговорит с ее телом, пошепчется в самых укромных его уголках». Язык должен быть не столько понятен, сколько приятен. Мы же слушаем песни на английском, не придавая значения, о чем там. Достаточно приятного тембра, впрочем, это касается и литературного языка тоже. Величие писателя или поэта – это тембр его слов.

Пьер пытался прочесть меня. Конечно, это приятно, когда тебя читают каждый божий день. А я – «Война и мир», слишком много страниц. Это можно читать бесконечно. Сегодня я – «Мир», завтра – «Война», и пойдешь разберись, как с этим романом жить. Я стала его литературой, а что такое литература сегодня – это голос и вкус. Он был очарован моим. Какое-то время мне нравилось нравиться Пьеру. Хотя у него самого голос был пресноват, и всегда хотелось его посолить и поперчить. Со стороны эта внутренняя болтовня больше напоминала склад плюсов и минусов, которые я старательно выводила соответственно ему и себе, пытаюсь убедить себя, что он именно тот человек, который мне нужен. Я все еще слишком сильно была привязана к себе, чтобы привязываться к кому-нибудь еще. Нужно нам было немного, но каждому свое. Поэтому мириться приходилось часто. Точнее сказать, приходил Пьер. А я объявляла мир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/rinat-valiullin/gde-valyayutsya-pocelui-parizh-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)